

Нечаянные Встречи

Людмила
Колосова

ШТАМП

Людмила Колосова

Нечаянные встречи

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21205770
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;

Аннотация

Сборник условно состоит из трех глав, но вся книга объединена одной идеей: как нечаянные встречи меняют наше отношение к происходящим событиям и друг к другу. Как случайные обстоятельства и, казалось бы, незначительные события меняют нашу жизнь и заставляют посмотреть на людей и на их поступки под иным ракурсом, как самая простая и незначительная вещь может вызвать бурю эмоций и позволяет увидеть свою жизнь, наполненную бессмысленными тревогами, счастливой.

Содержание

Часть 1	4
Два по девять	4
Достойные или Кто такие Октябрюта?	12
Крыс и мыша	15
Спящата хубавица	17
Плюшевый Мишка	20
Игрушки наша радость и наша боль	28
Шуша	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Людмила Колосова

Нечаянные встречи

Часть 1

Два по девять

Рассказы взрослым о детях

Два по девять

Эти девочки были настолько не похожи друг на друга, что невозможно было поверить, что они сестры, их полная несовместимость, как во внешности, так и в характере, сразу бросалась в глаза. Между тем они были сестрами, и не просто сестрами, а двойняшками. Они учились со мной в одном классе: Галка и Наташа. Я дружила с Галкой, она была необыкновенно смешлива и беззаботна, как поросенок Ниф-Ниф, ничто не могло испортить ей настроение: ни плохая оценка, ни замечание учителя, ни крылатое выражение «смех без причины – признак дурачины», которое я частенько слышала дома в свой адрес. Внешность у нее тоже была подходящей: широкое лицо, усеянное веснушками, курносый нос, рот до ушей «хоть завязочки пришей», большие се-

рые смешливые глаза и две косички в растопырку.

Наташа, напротив, была девочкой очень ответственной, серьезной и аккуратной во всем. Она делала всё: записывала домашние задания в дневник по всем предметам, писала чистенько в тетрадках – без единой помарки, получала только отличные оценки и хвалебные записи в дневник. И выглядела она соответственно: вытянутое овальное личико, тонкий прямой нос, брови домиком, от частой задумчивости, и маленький рот – точечкой. Волосы всегда были гладко зачесаны назад и заплетены в одну косицу. Она была рассудительна не по годам и, конечно, напоминала поросенка Наф-Нафа. Это была девочка, с которой надо было брать пример. Я даже пыталась это делать, и внешность у меня была подходящей: и у меня – овальное лицо и прямой нос, но почему-то на нем, особенно по весне, выскакивало огромное количество веснушек, а одна, особенно крупная, селась почти на кончике носа, и всякий говорил, что он у меня испачкан. Эта веснушка придавала моему лицу глуповатое выражение, что меня, безусловно, очень огорчало. Мне заплетали две косички, вплетая шелковые ленты, и волосы постоянно выбивались и свисали прядками. Еще я любила посмеяться по поводу и без, поэтому на лице всегда читалась улыбка, готовая перейти в смех. По шкале поросят я больше всего походила на Нуф-Нуфа.

Мы с Галкой без устали резвились не только на переменах, но и на уроках мы находили повод повеселиться. Как

и поросята из сказки, мы хотели иметь свои домики, в которых можно укрыться от житейских невзгод. Мое воображение рисовало мне деревянный крепенький домик, непременно на фундаменте, как на даче, Наташа и так выстроила себе крепость, ну а Галчонок... ну, она кроме соломенного шалаша ничего построить себе не могла, а если, что – укрылась бы у Наташи. Как ни крути, а они ведь – сестры!

В тот день, придя домой, я поняла, что не записала в школе домашнее задание, и обнаружила замечание в дневнике: «Смеялась на уроке вместе с Галей Ивановой». До прихода родителей надо срочно сделать уроки, может, замечание и пропустят, подумала я, а еще я подумала: не лучше ли выдернуть страницу дневника...

Опрометью я побежала к Наташе – переписать домашнее задание. На лестнице не было никого, но из-за двери был слышен голос мамы Галки и Наташи. Галку песочили за замечание в дневнике (ей, видимо, написали, что она смеялась на уроке со мной). Я позвонила, тетя Валя (так звали маму девочек) открыла дверь. Увидев меня на пороге, она ногтем корябнула мой нос, поняв, что это не грязь сказала, что Галка гулять не пойдет ни сейчас, ни потом, что она наказана за плохое поведение. Галка-Ниф-Ниф сидела на «развалинах своего соломенного домика», правда, без тени раскаяния на своем лице. Наташа была «в своем каменном доме», никакие бури не достигали ее там. Я спросила задание, записала его на бумажке, сунула в карман и вышла на лестницу.

На лестнице опять не было никого, но на подоконнике между этажами стояла бутылка из-под шампанского. Я не верила своим глазам (в пункте приема стеклотары эта бутылка стоила целых 17 копеек!!!). Я осторожно подошла, огляделась и взяла бутылку в руки, внимательно осмотрев горлышко и не найдя ни единого скола. Моя душа возликовала, я позабыла все свои невзгоды. Эта бутылка казалась мне прочным фундаментом, на котором я построю себе домик. В этот домик не проникнут никакие беды!

В пункте приема стеклотары моя бутылка благополучно перекочевала в руки приемщицы, а в моих руках оказались 17 копеек – целое состояние! Радости не было предела! Мой ум заходил за разум, я должна была купить что-нибудь такое, что никогда в жизни не купит мне мама. Зато я куплю ЭТО себе сама! МОРОЖЕНОЕ!!! Осенило меня! Ну конечно, мороженое! Никогда мне не разрешали съесть мороженое – на улице. Если мне и покупали стаканчик, то обязательно приводили домой, и я ждала, когда мороженое размякнет и растает, наконец. Потом мне ложкой приходилось черпать эту сладковатую жижу. Говорили, что у меня гланды, миндалины, ангина и тонзиллит и мне нельзя есть мороженое. Я же хотела съесть подернутый инеем вафельный стаканчик, и непременно на улице, я хотела, чтобы все прохожие видели, как я иду по улице, кусаю белое холодное мороженое и не боюсь никакой ангины!

Какое взять? Чтобы сразу на все! За 28 копеек – слиш-

ком дорого, не хватает денег. Сахарная трубочка по 15 коп – нет, слишком сладкая, приторная даже и останется еще 2 копейки. Эскимо – на два не хватит, если одно – то оно очень маленькое и останется 6 коп – нет, не годится! Голова моя вздулась от проблемы: на какое мороженое потратить деньги? Да я же люблю молочное – по девять – осенило меня! Два по девять: как раз 17! Я подпрыгнула от радости и побежала в сторону магазина. Там на улице стояла мороженщица. В ее сундуке, на кусках белого дымящегося льда, лежало всякое мороженое! Я подала деньги и сказала:

– Два по девять!

Она сосчитала деньги раз, потом другой и сказала:

– Тут семнадцать копеек, одной не хватает. Одно давать?

– Нет, мне надо два, – заклинило меня, и я взяла деньги обратно. Пальцев на руках не хватало, и я упорно подсчитывала: сколько будет 9 и 9, почему не 17, а 18? Наконец подсчеты завершились, и передо мной встал вопрос, где взять копейку?

В нашем дворе было общежитие ремесленного училища и рядом спортивная площадка с турником. На этом турнике крутились и вертелись учащиеся. Очень часто у них из карманов вылетала мелочь, и все во дворе об этом знали и паслись. Я побежала туда в надежде найти копейку! Но нет, урожай уже весь был собран. Тогда я решилась на отчаянный шаг: встала у овощного магазина и попросила копейку у тетеньки, она прошла мимо и уничтожила меня своим взгля-

дом. Губы у меня задрожали, глаза стали наполняться слезами, из носа потекло. Я шмыгнула и утерлась рукавом. Кто-то протянул мне две копейки – я взяла. Это было в первый и в последний раз, когда я взяла чужие деньги.

Ну вот! Наконец-то! У меня в руках было два по девять. Тонкая бумага, в которую были завернуты стаканчики, подернулась инеем, красота! Эх, Галка-Галчонок, почему ты не со мной? Мой верный и смешной Ниф-Ниф! Два по девять, два по девять – как раз для нас!

Я развернула одно мороженое – так, как я хотела: холодное и твердое. Я укусила, от холода свело зубы, но это было так здорово! Иду сама без мамы и ем своё мороженое! Нет, я не иду, я лечу, от счастья ноги мои не чувствуют земли, я буквально парю над землей! Счастье – вот, оказывается, ты какое! Легкое, свободное и прохладное! Только бы никто не увидел! Я с опаской оглянулась и решила перейти на другую сторону улицы, какая-то тревога охватила меня, и не зря. Из-за поворота навстречу мне вышли несколько мальчишек постарше, среди них мой старший брат! Увидев меня с мороженым, да еще не с одним, они обступили меня:

- Откуда мороженое?
- Где мама?
- Кто разрешил?
- Откуда взяла деньги?

Ни на один вопрос я ответить не смогла. Счастье покинуло меня! Оно было такое большое, а вот и нет его...

Целое мороженое у меня отняли сразу, как плату за то, что мама не узнает. В кармашке нашли копейку и забрали. Кусанное напоследок отняли тоже. Они хохотали и были довольны.

«Все сметено могучим ураганом» – вспомнились мне слова красивого романса, а еще я представила себе «глупого» волка из сказки, который сильно дует на домик Нуф-Нуфа, и тот разлетается в щепки. Я побрела домой. «Мой деревянный домик из веточек» рассыпался тоже, а казался таким крепким.

Мама была дома, повторилось то, что было у Галки: я была наказана за плохое поведение на уроке, за то, что не записала и не сделала домашнее задание, за то, что не спросила ни у кого уроки (бумажка с заданием бесследно исчезла из кармана вместе с последней копейкой). Бедненький Нуф-Нуф, тебя никто не пожалеет!

Мама, где ты? Я сегодня прожила целую жизнь, я сегодня выучила совсем другие уроки! Я знаю, что значит быть богатым человеком, и я знаю, как стоять и просить подаяние, я знаю, что такое унижение и стыд, и я знаю, что значит приобрести всё и потерять всё. Я знаю, какие бывают люди, я знаю, что такое подлость, и что такое быть счастливой, несмотря ни на что. С кем я могу этим поделиться? Кто меня сможет понять?!...

Только, если Галка-Ниф-Ниф поймет!? Завтра в школе на уроке переговорим!!!

Апрель 2014

Достойные или Кто такие Октябрята?

Октябрята – это такие дети, на груди у которых сияет красная звёздочка, а в центре звёздочки – маленький портрет красивенького мальчика, которого все почему-то зовут «ДЕДУШКА ЛЕНИН». Такую звёздочку просто так не наденешь – нужно, чтобы ты был достоин этой звёздочки и чтобы тебя торжественно приняли в Октябрята!

Нонна Андреевна, учительница начальных классов, объявила, что скоро самых лучших учеников будут торжественно принимать в Октябрята на легендарном Крейсере «АВРОРА». Многие дети волновались, потому что не знали, насколько они хороши. Волновалась и Люся, ей очень хотелось быть Октябрёнком и гордо носить красивую звёздочку. Отличницей она не была, и в дневнике иногда бывали даже тройки, основания для беспокойства были.

На дворе было начало марта. Учительница сказала, что она составила список достойных и что церемония состоится ко дню рождения Владимира Ильича Ленина. Перед оглашением списка волновались все. Лица детей просветлялись, когда они слышали свою фамилию: первыми шли имена отличников, затем хорошистов, те, кто имели тройки в четверти, не смели даже надеяться. Пока зачитывали фамилии, сердце Люси стучало так сильно, что она с трудом понимала, кто из

детей попал в список. «Неужели не попала», – думала она, но вот зачитали последний номер, и её личико осветилось радостью: последняя, но всё-таки попала, ура! Тут Нонна Андреевна сказала, что ещё рано радоваться и что ещё будут контрольные работы, по результатам которых список может быть изменён.

Контрольные работы были назначены перед праздником 8 Марта, а оценки за них – это подарок маме к празднику. «Я очень буду стараться, – думала Люся, – и напишу на 5+ – ни одной ошибочки не сделаю ни по письму, ни по арифметике. Мама будет очень рада и не будет меня ругать».

Она старалась очень, очень – никогда ещё она не писала так красиво: выводила каждую букву и каждую цифру. В тетрадках не было ни единой кляксы, ни одной пометки. Люся была очень довольна собой и вся светилась изнутри, мама, заметив это, спрашивала дочку, что с ней происходит. «Скоро узнаешь», – отвечала счастливая Люсенька.

Накануне праздника учительница раздала тетрадки с контрольными работами. Затаив дыхание, девочка открыла тетрадь по письму в надежде увидеть 5+ и услышать похвалу Нонны Андреевны. Но вместо летящей в будущее будущие пятёрки там кишели исправленные красной ручкой ошибки, в конце работы стояла жирная красная палка, и в скобках было написано: «КОЛ». Кол – это же единица, с ужасом осознала Люся. Дрожащими пальчиками она открыла тетрадь по арифметике, её красивая работа была перечёрк-

нута крест- накрест красными чернилами и внизу стояла такая же палка, а рядом в скобках «КОЛ». Что-то случилось с глазами, она стала мутно видеть, а в тетрадь крупными кляксами стали падать слёзы...

Фамилия Люси была вычеркнута из списка... В Октябрюта её принимали осенью в актовом зале школы ко Дню Великой Октябрьской Социалистической Революции.

Много, много лет спустя справедливость восторжествовала, и Люсину дочку приняли в Октябрюта на легендарном Крейсере «АВРОРА»...

Крыс и мыша

Басни Ивана Андреевича Крылова Люсеньке очень нравились. Она даже знала наизусть некоторые из них и читала вслух родственникам, приходящим к ним в гости. И все удивлялись, как хорошо, с выражением и без единой запятой рассказывала она басни «Слон и Моська», «Ворона и Лисица», «Квартет» и даже «Мартышка и очки». И вот на уроке чтения учительница задала детям выучить басню «Мышь и крыса». Ой, как же Люсенька обрадовалась! Текст небольшой и знакомый. «Быстро выучу, и ещё время останется погулять и поиграть», – подумала Люся. И действительно, она быстро выучила басню. Но в тот день дома не было гостей и публичного выступления не состоялось. Правда, она повторяла и повторяла басню про себя. Да, выучила и хорошо запомнила. На следующий день она пришла в школу в полной уверенности, что расскажет басню и получит отличную оценку. Едва начался урок, и учительница стала спрашивать домашнее задание, Люся стала тянуть руку и даже привстала с места. Её рвение было замечено, и учительница вызвала её к доске. Люся стояла перед классом и громко начала:

– Иван Андреевич Крылов – «Крыс и мыша». Что-то не так сказала, пронеслось у неё в голове, но она не поняла сначала, что именно не так. Класс затих, а потом грохнул от сме-

ха:

— Крыс и мыша, крыс и мыша! Смеялись все, и даже учительница. Не смеялась одна только Люся. Она сердилась на всех и на учительницу тоже. Нонна Андреевна с трудом угомонила класс и сказала Люсе продолжать. Люсеньке хотелось поскорее сесть на место и хотелось, чтобы урок скорее закончился. Она прочитала басню быстро, скороговоркой и была даже довольна собой. Однако такое чтение учительнице не понравилось. Она поставила Люсе тройку и сказала сесть на место. Дальше рассказывали другие дети и получали хорошие оценки. Все выучили хорошо, ведь басня лёгкая и маленькая. У Люсеньки было тяжело на душе. Она хотела найти поддержку дома и рассказала маме. Но в это время подошёл старший брат Люси. И когда он услышал «Крыс и мыша», то они с мамой смеялись так, что не могли остановиться. И потом при любом случае брат со смехом говорил ей: Эх ты, «Крыс и мыша». С этого случая закрылась для Люси дверь в страну поэзия. Она перестала любить басни и стихи и никогда больше не получала удовольствия от выступления. В школе она рассказывала стихи по программе, только чтобы поскорее отделаться и получала удовлетворительную оценку...

Вот как бывает. В классе уже все забыли о том случае, да и потом она уже училась в другой школе. Но дома нет-нет, да смеялись мама с братом над «Крыс и мышей».

Спящата хубавица

Интересно то, что в шесть лет и даже в семь я не хотела учиться читать. Мама и учитель начальных классов не могли заставить меня читать Букварь. Очень содержательная фраза «Мама мыла раму» не открыла передо мной священный ларец знаний. Я решила избавиться от ненавистного Букваря и стала искать укромное место, такое, чтоб никто не нашел. И такой уголок я отыскала, но там, в большом свертке, уже что-то лежало. Все дети очень любопытны, и я в этом плане не отставала от сверстников, я развернула пакет, хотелось бы мне посмотреть на саму себя в тот момент! Передо мной лежала очень большая книга, знакомые буквы, выстроившись в ряд, как будто смеялись надо мной: прочитай нас, а ну-ка прочитай. Я приложила все свои усилия, но прочитать не смогла. Надо сказать, что в этой книжке были изумительной красоты картинки, таких картинок я еще никогда не видела за всю свою маленькую жизнь. Однако же в них я легко узнала и Золушку, и Спящую красавицу, ведь именно она была нарисована на обложке книги, и Мальчика с пальчика, и Кота в сапогах. Спасибо маме, она много мне читала сказок на ночь! Очень долго я сидела и разглядывала книгу, потом я аккуратно завернула ее обратно в бумагу и положила на прежнее место. Букварь надо изучать – поняла я. Если не научусь читать, то не сумею понять, что написано в книжке.

По мере того как продвигалось мое образование, я все доставала и доставала книжку, листала ее и листала, но понять не могла. Правда, картинки мне не надоедали, и я рассматривала их с удовольствием и мысленно даже переселялась в них. А книжка тем временем стала терять свой товарный вид, она, уже далеко не новая, лежала в замусоленной бу-мажке на прежнем месте. Я не осознавала, что приближается «гроза». Мама рада была моим успехам в школе, я начала хорошо читать, даже очень хорошо! Я даже бегло читала ту самую книжку, но почти ничего не понимала!

В тот день мама встретила меня возмущенными криками:

– Как, как ты могла без спросу взять? Кто тебе разрешил лазать везде?

– Я не брала... – бормотала я. Сердце катилось в пятки, дух перехватило, вспотели руки. Мама потрясала книгой передо мной и была на грани истерики.

– Зачем брать? Господи, что теперь делать? Какая она грязная! Замусоленная вся! Что ты с ней делала?

– Читала, мама! Это очень интересная книжка! Я ее читаю-ю-ю!

– Зачем лгать! Ну что ты можешь здесь прочесть, она написана на болгарском языке!

«Вот оно что! Это по-болгарски написано! Здорово как! Оказывается, я умею читать по- болгарски», – подумала я и сказала:

– Давай тебе почитаю, и ты увидишь, что я не обманываю!

Она устало и как-то безучастно отдала мне книгу. Я начала читать:

– Шарл Перо. Спящата Хубавица. Имало едно време един цар и една царица. Те си нямали деца, а толкова им се искало да имат и така им било мъчно, че с думи не може да си и скаже. Ходили на поклонение в много страни, правили обети и дарения, но напразно. Най – после царицата родила момиченце.

Направили хубаво кръщение.....

Я продължала читать и уже чувствовала своя победу. Мама махнула рукой, и книжка навсегда остана у меня. Чья это была книжка или для кого ее купили, я не спрашивала.

Я этого не знаю до сих пор.

Декабрь 2013

Плюшевый Мишка

В моём доме, на полке под стеклом, стоит фотография в старинной рамке. И каждый человек, который в первый раз приходит в дом, обязательно обращает на неё свое внимание и искренне удивляется: почему такая простая открытка удостоилась такого изысканного обрамления?

Дедушка больше любил внука, я это остро чувствовала, но принимала как данность. Может быть, потому, что и он сам понимал, что я обделена его любовью, случилась вещь, в моём понимании, невероятная – из заграничной поездки дедушка привёз мне, именно мне, большого плюшевого медведя. Скорее даже, это была медведица, так как у неё на шее на ленточках висели два маленьких смешных медвежонка. Золотистая мягкая шёрстка, с лёгким завитком, чёрные глазки, вышитые чёрными нитками нос и рот и, наконец, звучная пищалка – я тогда затаилась в себе от захватившего меня восторга: какой же он хороший, ну, какой же он хороший! Я полюбила его сразу и навсегда: для меня это был медведь по имени Мишка, так, кстати, звали и моего дедушку!

Вообще было невероятно то, что в начале 1960-х, мой дедушка, простой солдат – рядовой пехоты, который воевал с нацистами, – был отправлен с делегаций в Германию. Нет, не в дружественную нам, советским людям, ГДР, а в профашистскую, как тогда считалось, ФРГ. Так вот, получалось,

что Мишка был немец, и я могла бы его назвать Ганс или Фриц, но Фрица я бы так не любила.

Многие ещё, конечно, помнят дворы 50-х, 60-х: мальчишки ходили войной двор на двор, к чужакам относились с большой подозрительностью, считая их лазутчиками и шпионами. Большинство детей гуляли во дворе сами по себе, некоторые мамочки и няньки сидели на скамейке и разговаривали между собой – попросту, чесали языками. У детей была своя жизнь и свои правила: например, в любую игру надо было попроситься – тебя могли принять или нет. Игр было много и общих и отдельных. Дочки-матери – это, конечно, для девочек. Иногда на роль папы брали тихого мальчика, но папа в игре почти ничего не делал, а мальчика потом дразнили девчонкой. И я часто играла в Дочки-Матери, ведь у меня была красивая фарфоровая кукла, и с ней меня охотно принимали в игру.

В тот день, счастливая и весёлая, я вышла во двор со своим Мишкой, подошла к девочкам и попросилась в игру, к моему великому изумлению, меня не приняли:

– С медведем не принимаем, принеси куклу, тогда ещё посмотрим! – Засмеялись они.

Я сильнее прижала Мишку к себе, готовая его защитить, если задумают отнять. И ещё: нехорошее чувство неприязни к своей фарфоровой кукле возникло у меня тогда.

Куклу мне подарили на День рождения, с оговоркой: быть с ней предельно аккуратной – не раздевать, не расплетать ко-

сы, не крутить руки и ноги, ни в коем случае не уронить – она ведь фарфоровая! У этой куклы закрывались глаза, когда её запрокидывали, она говорила «мама», и во рту у неё было два белоснежных зуба. Может быть, потому, что я не могла играть с ней без оглядки на строгое предупреждение взрослых – не испортить её, я свою куклу не любила. Теперь кукла оказалась виновницей того, что меня не приняли в игру. Решив схитрить, я снова подошла к девочкам:

– Я не могу принести куклу – она заболела, – сказала я. У меня была надежда, что возьмут играть с Мишкой.

– Вот и принеси её, мы твою куколку в больницу положим, и будем лечить.

– Я сама её дома лечу таблетками, ей нельзя в больницу! Она там скучать будет!

– Ну и лечи её сама, а с медведем не примем тебя, уходи! Не мешай! – Спорить было бесполезно, они были непреклонны.

Я вышла со двора на улицу, весеннее солнце заливало мостовую тёплым светом. На углу дома, как раз под нашими окнами, было глухое подвальное оконце и приступочка в фундаменте, я присела туда и растворилась во времени: мне было там тепло и спокойно. Потом, мы так часто сидели в обнимку с Мишкой, греясь на солнышке, с девочками во дворе я больше не играла и не просилась к ним в игру. А в тот день, несмотря на строгие запреты мамы не ходить на набережную, мы отправились к Малой Невке. Тогда она ещё не

была одета в гранит, и не было такого бешеного количества машин, тяжело ползущих по Приморскому проспекту. Оглядевшись, мы перешли дорогу и спустились на песчаный берег к самой воде. От реки веяло холодом, основной лёд с Ладоги прошёл накануне, и теперь только отдельные запоздалые льдины плыли наперегонки с нетерпеливыми байдарками. Сидя на корточках у самой воды, мне было интересно наблюдать, как тренируются гребцы. В какое-то мгновение мне показалось, что байдарки остановились, меня качнуло в сторону, и мы упали на песок, а набежавшая некстати волна, окатила меня и Мишку. Мокрые и несчастные мы поплелись домой. Наверное, я тогда заболела тоже, это мне не запомнилось, но с Мишкой случилась настоящая беда – он простудился и серьёзно захворал. Он не ревел громко и задорно, а хрипел, кашлял, задыхался и снова хрипел.

– Воспаление лёгких, операцию ему надо делать – сказал мой старший брат Боб. Я не соглашалась, знала, что он хочет завладеть пицалкой, но дни шли, а Мишка не поправлялся.

– Скоро у него откроется туберкулёз и он умрёт! – Уверенно и со знанием дела говорил Боб.

– Ты пицалку хочешь забрать себе, Мишка поправится и так, он ещё не совсем просох, холодная вода попала ему в грудку, вот увидишь, он скоро перестанет кашлять! – Уверяла я.

– Нет, не перестанет! Операция ему нужна: вытащим пицалку, я знаю, как её исправить, вставим обратно и зашьём,

даже шва никто не увидит, и Мишка будет здоров! – Боб говорил уверенно и твёрдо. Но я не соглашалась. Прошло несколько дней, состояние моего Мишки оставалось, по-прежнему, тяжёлым.

– А вдруг он не обманывает, а действительно хочет помочь? – Внутренне я уже склонялась к операции.

Боб сразу же почувствовал мою слабость и стал готовить операционную: на стул постелил белую наволочку, приготовил иголку с белой ниткой, ножницы и раскрошил таблетку для наркоза.

– Ну-с, приступим, – как-то непонятно сказал он, и продолжал довольным голосом: – Клади Мишку на простынку – будем наркоз ему давать.

Порошок из таблетки мы насыпали на грудку и на ротик – Мишка, как будто, уснул. Боб взял ножницы и вспорол грудку медвежонка, вытащив большую пищалку, он отбежал от операционного стола и был таков! Он смеялся над моей доверчивостью и, несмотря на слёзы и мольбы, пищалку не отдал. Глотая обиду, я смотрела на зияющую рану, из которой торчали жёлтые стружки, понимая, что Мишка никогда больше со мной не заговорит. Взяв дрожащими пальцами иголку и нитку, я стала зашивать рану через край – получился заметный белый шов. Мишка очнулся от наркоза, он очень похудел, его тело уже не было туго набито стружкой, он стал намного легче, и больше не кашлял, и не рычал. С этого момента никакие игрушки для меня больше не суще-

ствовали. Я не просто любила Мишку за его красоту или исключительность, нет, в нем уже не было недавнего лоска, я очень жалела его, и потому любила всё сильнее и сильнее. В те годы по радио часто передавали песню, в которой были такие слова: «В сёлах Рязанщины, в сёлах Смоленщины слово люблю не привычно для женщины, там бесконечно и нежно любя, женщина скажет – жалею тебя». Необыкновенный голос Ольги Воронец, проникновенность исполнения заставили меня, маленькую девочку, испытать чувства, которые испытывает, любя, простая русская женщина. «Ты – жаль моя», – говорила я Мишке и прижимала его к себе.

Каждое лето мы из города уезжали на дачу. Чердак в доме был отдан нам с братом. Под самой крышей для нас были сделаны две комнатки, вместо кроватей – наспех сколоченные лежаки и матрасы, набитые свежим сеном. Взрослые редко поднимались наверх, поэтому там было царство беспорядка: старые, зачитанные до дыр, но любимые детские книжки, сломанные игрушки, старая лошадка на колёсиках с дырками на боках, там, на чердаке, жил и мой Мишка. Я уже подросла и не играла с ним как прежде, но он был рядом, и мы виделись каждый день. Прелесть всех чердаков, и наш был не исключение, в их запущенности: это и тёмные углы, затянутые паутиной, и осиные гнёзда под крышей, и десятилетняя пыль на старых вещах, и, конечно, щемящий душу барабанный звук дождя по крыше. Взбив попышнее сено, я залезала под одеяло и под звук дождя читала допоздна

любимые книжки. Особенно любила я Английские страшные сказки, а одна, в которой очень смелый рыцарь, умер от страха, увидев свою собственную тень, особенно будоражила моё воображение. Чердак был нашим прибежищем не только ночью, но и днём в плохую погоду мы находили там развлечения: рассказывали страшные истории, играли в карты и в настольные игры, читали приключенческие книжки. Наш и только наш чердак – родители почти никогда не поднимались к нам. Другое дело – бабушка, она любила порядок и чистоту в доме, наш чердак приводил её в негодование. Мы оставались глухи к её бесконечным просьбам и приказаниям: навести порядок наверху.

Самое страшное случилось в очень погожий и светлый день. После затяжных дождей установилась хорошая солнечная погода, уже под вечер только, я вернулась домой, брата ещё не было. В доме было очень жарко: зачем-то топились печка, было видно яркое пламя. Привычным манером я поднялась наверх, и не узнала чердака – никакого хлама, паутины, рваных книжек и игрушек нигде не было видно – везде было чисто убрано, пол вымыт. Мишки не было нигде. Кубарем я скатилась вниз по лестнице, предчувствуя недоброе, громко позвала:

– Бабушка, бабушка, бабуленька, где мой Мишка?

– Какой Мишка?

– Игрушка, игрушка моя – та, что дедушка из Германии привёз! – Как же мне холодно было внутри тогда! Голос дро-

жал и срывался на фальцет.

– Этот старый грязный медведь?! Зачем он нужен?! Сожгла я его в печке и нечего истерить! – Говорила она, начиная раздражаться на меня. Больше ничего не спрашивая, я подбежала к жарко пылавшей печке и открыла затворку – там ярким пламенем горели мои книжки и Мишка. Образ доброй бабушки тоже сгорел тогда, я замкнулась в своём горе, не хотела ничего объяснять, не хотела разговаривать, не хотела ни есть, ни пить – я заболела, но никто ничего так и не понял. Так не стало Мишки.

Через несколько лет, после смерти дедушки, я разбирала открытки, которые он когда-то привез из Германии. И вдруг, среди видов городов, я увидела своего Мишку, правда, в образе медведицы. Она, в платье и фартуке, сидела на стульчике у окошка и вязала спицами носок. Счастливая улыбка осветила моё лицо, выбрав самую красивую рамку, я поместила туда Мишку и больше мы уже никогда не расставались.

сентябрь 2014

Игрушки наша радость и наша боль

1980-е. Моей дочке Юленьке было тогда лет шесть. Мы решили убрать мусор на даче: весь ненужный хлам – сло-манные игрушки, старые вещи, использованные коробки и упаковки складывали в тачку, чтобы потом вывезти на свалку. На глаза мне попался старый резиновый сдутый телёнок, ножка, в том месте, где его надували, была перевязана верёвкой, но теленок все равно не надувался, из-за дырок. Я положила его поверх мусора.

Дедушка взял тачку и повез её с участка. В этот момент Юленька увидела лежащего тряпчочкой телёнка:

– Мой теленок, коровушка моя! – Закричала она со слезами на глазах. Я уговаривала, как могла:

– Юленька, посмотри телёнок весь в дырках и грязный, ты же с ним не играешь уже!

– Не-ет, телё-ёночек мой! Он мне нужен, коро-овушка!

– Поедем завтра в гости, в Новгород, и там купим тебе нового теленка.

Она слегка задумалась и, уже было, перестала плакать, но когда тачка снова тронулась, все повторилось сначала:

– Телёночек, мой, коро-овушка, коро-овушка, – причитала она, протягивала к тачке ручки, и слёзы заливали её лицо.

Дедушка увозил тачку дальше и дальше...

В Новгороде, куда мы на следующий день приехали по-

гостить, пришлось искать резиновую корову, но её, как назло, не было ни в одном игрушечном магазине. Поездка была окончательно испорчена, когда я купила резиновую, покрытую коротким ворсом, морскую корову. Не видя никакого сходства со своей коровушкой, она отвергла это морское чудо и продолжала горевать. Это была невосполнимая потеря, которая запомнилась ей навсегда.

Господи! Как просто было снять этого дырявого телёнка с кучи мусора и отдать ребёнку! Через пять минут она бы сама бросила его и забыла навсегда. Два взрослых человека думали на тот момент только об одном: убрать мусор и всё. Ни у кого не хватило мудрости уступить, а слёзы и капризы ребенка только раздражали и делали из людей глупых баранов. А, ведь был опыт, был...

Время откатилось на поколение назад. 1960-е. Мне тоже было тогда лет шесть. Мама пришла с работы и засобиралась в магазин. На улице уже было темно, и зажглись фонари. Мне тоже очень захотелось пойти с ней в магазин, я так ждала ее с работы, и вот она уходит снова. Я очень хотела побыть с мамой: идти с ней по улице за руку и разговаривать, — что она согласилась взять меня. Это был наш вечерний моцион перед сном: после прогулки я должна была лучше заснуть. Я быстро собралась и взяла с собой своего любимого маленького черного медвежонка. Мы шли не торопясь в дальний магазинчик, за мостиком, через Черную речку. Погода была

сказочная: в свете фонарей вальсировали снежинки и ложились нам под ноги, а от сапожек оставались красивые следы, но они быстро исчезали под снегопадом. В магазине я сидела на подоконнике, и увлеченно играла с мишкой, забыв про маму. Она окликнула меня, оставив игру, я побежала к ней и мы поспешили домой. Уже около дома я поняла, что мишки со мной нет. Внутри всё похолодело, какое-то время я не решалась сказать маме, потом не выдержала:

– Мамочка, пойдём назад – я мишку потеряла!

– Потеряла и потеряла – вот так, ты к своим игрушкам относишься!

– Пожалуйста, мамочка, вернемся! Мишенька мой! – Слезы катились из глаз, и какая-то безысходность от потери чего-то очень дорогого накрыла всё моё существо.

– Нет, я очень устала, и магазин скоро закроется! – Мама отвечала с уже нескрываемым раздражением. Не пойдёт – мелькнуло у меня:

– Мамочка, мы успеем, пойдём, мы найдём его! Он там: на подоконнике лежит!

– Нет, нет, не проси, пошли домой.

Я плакала. Уснуть долго не могла, ночь спала плохо. Но во мне теплилась маленькая надежда. Наутро, без спросу, уловив момент, я одна побежала в тот магазин – мишки там не было. Подоконник был пуст, я набралась смелости и спросила у продавщицы, но она ничего о мишке не знала и не видела его. Домой я брела, полностью опустошенная, смотрела

на дорогу сквозь пелену своего горя, заглядывала во все углы и закоулки, но своего любимого мишку я так и не нашла.

1980-е. Я была в командировке – в Москве. Быть в Москве и не зайти в Детский мир, такого быть не могло: дома меня ждала маленькая дочка, и я хотела привезти ей подарки. Денег было немного, я присмотрела кое-что из одежды и кое-что из игрушек. «Кое-что» из игрушек – была небольшая, но очень симпатичная тряпичная куколка. Головка и ручки у неё были из пластика, а тело и ножки были из мягкой оранжевой фланели, набитой ватой. Ребенок влюбился в эту куклу сразу, одежда, которую я привезла из столицы, вообще не интересовала её, а кукла настолько пришлась ей по душе, что она не расставалась с ней ни на минуту.

Время близилось к осени, мы поехали в лес за грибами. Юленька и куколку с собой прихватила – ну как же без неё! Ходили по лесу долго: грибов набрали, ягод – устали, конечно. Сели в машину и поехали домой. По дороге смотрю – девочка моя ручками перебирает и взгляд испуганный такой. Спрашиваю:

– Юлечка, что случилось? Лицо её скривилось, и слёзы мгновенно залили лицо:

– Куколка потерялась! Где куколка моя? Где она, где? – Она бессмысленно повторяла одно и то же, ручки дрожали, кожа пошла красными пятнами...

– Надо вернуться в лес, поискать! – Наверное, в голосе

моём было сомнение, и мои родители меня не поддерживали:

– Куда возвращаться? Темнеет уже! Ничего ты в лесу не найдешь! – Говорил дедушка, бабушка вторила:

– Жалко, конечно, куколка новая, но зря время потратим, не найдешь ты её в лесу, скоро стемнеет, устали все, домой пора!

– Останови машину, останови! – Эмоции захлестнули меня, и дед остановился.

– Разворачиваясь! Едем назад, я найду куколку, она оранжевая, я её увижу! – От моих сомнений не осталось и следа. Мой отец послушно развернул машину – спорить было бесполезно. Приехали на место. Я шла по лесу, закатное солнце оранжевым цветом окрасило белый ягель. Игрушки нигде не было видно. «Как я найду оранжевое на оранжевом?» – Подумала я. Время шло, меня звали обратно, но я всё бродила и бродила по лесу. Вспомнила своего мишку, и как мама отказалась искать его, и как я когда-то сама искала и не нашла своего черненького медвежонка, но сейчас я должна найти, должна, должна! Тупое упорство охватило меня, и вдруг как будто что-то сверкнуло – на кочке, раскинув ручки и ножки, лежала наша потеряшка. В лучах заходящего солнца она была похожа на горящую звёздочку, как будто добрая фея зажгла её, а я увидела это сияние. Солнце бросило на меня последний сноп ярких лучей, и игрушка засветилась у меня в руках. Стало почти темно, но как же светло было у меня на душе!

Возвращались мы радостные и счастливые. До глубокой ночи мы, взрослые, чистили грибы и всё вспоминали найденную игрушку, а Юленька безмятежно спала, прижав к себе любимую куколку.

Да, после «рваного телёнка», это был мой настоящий реванш!

Счастливый конец простой истории смог превратить обычный эпизод из жизни в добрую волшебную сказку. Родители, бабушки дедушки, вы можете стать настоящими добрыми волшебниками для ваших детей! Они верят в ваши огромные возможности, ищут у вас защиты и понимания. Не оттолкните! Не будьте равнодушными! Пусть злые волшебники останутся только в страшных сказках.

май 2014

Шуша

Несколько месяцев в году живём мы в пригороде – на даче. Дом расположен вблизи железной дороги и платформы. И всё же, здесь тихо, особенно осенними месяцами. Живём мы под крышей – наша небольшая комнатка обставлена кое-чем: старая оттоманка, на которой спит Юлятка, деревянный настил на низких козлах с матрасом, набитым сеном, где сплю я, пара стульев и, наспех сколоченный, столик – впрочем, мы здесь только проводим ночь.

Это было осенью. В сентябре ночи очень тёмные в комнате слабо мерцал огонёк от масляной батареи – в комнате сухо, тепло и уютно. Юлятка тихонько посапывала, а мне не спалось. Вдруг слышу лёгкий скрежет когтей по крашеному полу – совсем близко, буквально рядом со мной. Я замерла и прислушалась: царапающие шажки, лёгкие, но как будто припадающие. Создавалось впечатление, будто кто-то гуляет по нашей комнате. Когда шаги приблизились ко мне, я сказала – «кышш» – всё сразу замерло. Может, показалось? И я стала ждать. Через некоторое время шажки заскрежетали снова, но когда я повернулась, и подо мной заскрипел деревянный настил, всё снова замерло. Так повторялось часто – почти каждую ночь. Я решила, что надо с кем-нибудь поделиться и рассказала за обедом про странные звуки. Никто не принял меня всерьёз:

– Зажги свет и посмотри – сказала моя мама.

– Не-ет! А вдруг я её увижу! – Все засмеялись. И тогда я нашла союзника в Юленьке. Каждый вечер, ложась спать, она спрашивала:

– Ну что, идёт?

– Нет, ещё не пришла, засыпай спокойно – утром всё расскажу – отвечала я.

Юлятка засыпала, а утром, не успев разлепить глазки, спрашивала:

– Ну, как? Она гуляла? Как она гуляла?

– Гуляла, опять гуляла, грелась у батареи и прохаживалась по комнате, – отвечала я.

– А кто это ходит, мамочка? А вдруг это волк? Волк?

– Да нет, это не волк, не бойся! Это мышь, летучая мышь – неожиданно для себя самой, ответила я.

И всё вдруг сразу прояснилось: да это же летучая мышь у неё маленькие когтистые лапки и шёлковые перепончатые крылья, одно крылышко повреждено, и когда мышка гуляет – когтистые лапки скребут, а крылышко приволакивается. Теперь, когда объект был так чётко определён, звуки перестали тревожить меня по ночам.

Я свыклась с мыслью, что мышь живёт у нас, что днём она спит, зацепившись лапками за перекладину под кроватью, висит наша мышка вся закутанная в крылья-одеяло и никто не видит этот «шёлковый» мешочек.

В конце октября мы уехали в город и, как водится, забыли

про эту историю.

Прошёл год, откатилось очередное лето, и нас накрыл дождливый сентябрь. В тот вечер я поздно поднялась наверх, Юля давно уже спала. Я разделась в темноте, сняла с батареи разогретое одеяло и укуталась в него – стало тепло. По крыше барабанил дождь – только бы спать и спать, но мне не спалось. Вдруг слышу – передвигается кто-то по полу, всё опять замерло во мне. Лежу тихонечко прислушиваюсь, а она гуляет. Вот в ту ночь я и дала ей имя: Шуша. Утром моему и Юлечкиному восторгу не было предела! С нами в комнате жила Шуша! Совсем не было нам обидно, что мы не видели её, зато мы твёрдо знали, что она есть: что днём Шуша висит по моей кровати вниз головой и похожа на серенький мешочек, а ночью она гуляет по нашей комнатке и греется у батареи.

Как то за обедом мне опять захотелось поделиться новостями, тем более, что Юлятка, хоть и не слышала и не видела Шушу, но охотно подтверждала, что в комнате у нас живёт летучая мышь. Нам и верили и не верили: в результате на чердаке появилась мышеловка. Дедушка зарядил её сыром, он думал, что по дому гуляет обычная крыса или мышь.

Мы посмеивались над мышеловкой, ведь Шуша живёт у нас в комнате, а мышеловка стоит у лестницы. Но однажды сыр был съеден, но никто не попался. Вечером дедушка зарядил мышеловку опять. Той ночью я по привычке уже не за-

сыпала до тех пор пока не услышу Шушу, и вот когда слышались её шаги и я стала проваливаться в сон, слышался резкий щелчок и всё замерло. У меня остановилось сердце, потом бешено застучало, и кровь забила в висках. Прошло некоторое время, прежде чем я поняла, что это не выстрел и, что это не мышеловка захлопнулась, а просто сработал предохранитель батареи. Шуша заскребла лапками снова и я постепенно успокоилась, но меня не оставляла мысль о мышеловке, ведь кто-то съел сыр?! Шуша, тебя могут убить! Я засыпала с этой тревожной мыслью. Утром сыр в мышеловке остался нетронутым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.